С.Г. Кирдина
Институт экономики РАН, Москва

Институциональные модели финансирования реального сектора[1]

В статье исследуются базовые институциональные модели финансирования реального сектора в условиях экономического роста. На основе сопоставления статистических данных о финансировании инвестиций в России и США (с привлечением материала по экономике Китая) тестируется гипотеза о функционировании двух институциональных моделей, названных «государство–инвестор» и «государство-регулятор». Первая преобладает в России и Китае, вторая – в США. Разработанная ранее концепция *X*- и *Y*-экономик (Кирдина, 2004, 2004а, 2007) предложена для обоснования выявленных различий. Также анализируются некоторые особенности национального статистического учета, обусловленные различием доминирующих институциональных моделей.

Ключевые слова: *институциональные модели, финансирование реального сектора, X- и Y-экономики, Россия, США, Китай.*

Классификация JEL: B52, O43, P43, P52.

Введение

Без привлечения соответствующих финансовых ресурсов невозможно воспроизводство реального сектора, обеспечивающего экономический рост. Доступ к этим ресурсам является одним из важнейших факторов успешных инноваций и технического развития (Корнаи, 2012, с. 12). Необходимые финансовые средства «доставляются» хозяйствующим субъектам посредством того или иного набора институтов, которые формируют различные институциональные модели финансирования реального сектора. В наибольшей мере эти различия определяются соотношением институтов рынка и государства.

Как правило, исследования экономического роста в mainstream economics явно или неявно подразумевают доминанту «классической» рыночной модели. Опубликованная в «*Журнале Новой экономической ассоциации*» интересная и глубокая статья Д.А. Веселова «*Провалы рынка и провалы государства в модели перехода от стагнации к развитию*» (Веселов, 2011) является характерной иллюстрацией данного положения. Представленная автором математическая модель созидательного разрушения базируется на предпосылках действия как раз такой институциональной рыночной модели, когда рост является продуктом инновационной деятельности конкурирующих друг с другом фирм. Автор вслед за многими известными исследователями, на которых он ссылается в своей работе, рассматривает это допущение как аксиому. Что касается государства, то следует концентрироваться лишь

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 11-02-00088а) и Российского фонда фундаментальных исследований (проект 2-06-00198а).

При подготовке статьи использованы материалы к докладу на IX международном симпозиуме по эволюционной экономике, г. Пущино, Московская область, Россия, 8–10 сентября 2011 г.

Автор выражает благодарность В.И. Маевскому, В.Е. Маневичу и М.М. Соколову за ценные консультации, а также Т.Ю. Шаталовой, Е.В. Камко и А.И. Волынскому за помощь в сборе статистических данных и проведении расчетов. Специальная благодарность анонимному рецензенту за полезные предложения и комментарии.

Журнал НЭА,
№2 (18), 2013,
с. 129–155

на «поиске оптимального уровня вмешательства государства в экономику» (Веселов, 2011, с. 25), позволяющего преодолеть разного рода ловушки и выйти на траекторию сбалансированного роста.

В то же время существует и другая точка зрения на проблему государства, рынков и экономического роста. Она состоит в том, что надо тщательно изучать эмпирические данные для того, чтобы понять, где и когда государственное вмешательство в хозяйство идет на пользу, а где – во вред и как это воздействует на экономический рост в целом (Флигстин, 2007, с. 56).

Задачи статьи состоят в том, чтобы на основе эмпирико-статистического исследования выявить альтернативные институциональные модели финансирования реального сектора, обеспечивающие его воспроизводство и экономический рост, и проанализировать основания их функционирования. Априори были выбраны две страны – Россия и США с традиционно противопоставляемыми друг другу способами организации экономической жизни.

Статья построена следующим образом. Сначала формулируются основные определения и дается общая характеристика привлеченных к анализу статистических данных. Затем приводятся результаты статистического сопоставления структуры инвестиций в реальный сектор России и США как по источникам, так и по характеру собственности. При этом специально анализируются некоторые особенности национального статистического учета в каждой из стран, влияющие на результаты сопоставительного анализа. Итогом сопоставлений является вывод о действии двух различных институциональных моделей финансирования воспроизводственных процессов в экономиках России и США – «государство-инвестор» и «государство-регулятор» соответственно. Для возможного объяснения того, почему в анализируемых странах доминируют выявленные модели, используется авторская концепция *X*- и *Y*-экономик. Ее основные, наиболее существенные в рассматриваемом контексте положения представлены в специальном разделе. Заключительные замечания касаются дальнейших перспектив изучения институциональных механизмов экономического роста.

Основные определения и характеристика статистических данных

Приведенные ниже определения имеют инструментальный характер и вводятся с целью обозначить предмет нашего исследования.

Под *институциональными моделями* в статье понимаются структуры наиболее существенных каналов и институтов, обеспечивающих передачу инвестиционных ресурсов от финансового сектора реальному сектору.

Реальный сектор объединяет отрасли экономики, производящие материальные и нематериальные товары и услуги, за исключением

Журнал НЭА, №2 (18), 2013, с. 129–155

финансово-кредитных и бюджетных операций (Райзберг и др., 2007; Экономический словарь, 2010, с. 500). Принятый подход отличается от распространенного в ряде работ (Савчишина, Сутягин, 2009) понимания реального сектора лишь как совокупности отраслей материального производства.

Финансовый сектор в нашей работе трактуется достаточно широко – как система, где организуются денежные отношения в сфере расширенного воспроизводства между всеми субъектами воспроизводственного процесса по распределению и перераспределению совокупного общественного продукта. Такой подход характерен для политической экономии и следующих ее традициям современных экономистов (Нешитой, 2012; Финансы, 2004), и мы следуем ему в настоящей статье. При таком понимании к финансовому сектору наряду с кредитно-банковской системой относятся государственные бюджеты всех уровней и внебюджетные фонды, фондовый рынок. Такой подход отличается от подхода, принятого в неоклассической теории, где финансовый сектор отождествляется преимущественно с кредитно-банковской системой (см., например (Peetz, Genreith, 2011, p. 42)). Финансовый сектор в таком случае рассматривается как характерный элемент рыночной экономики, обеспечивающий движение денежных средств между владельцами сбережений (инвесторами) и заемщиками (O'Sullivan, Sheffrin, 2003, p. 551). Для решения задач нашего исследования такое определение представлялось суженным.

Поскольку в работе изучаются каналы поступления инвестиций, то в фокусе внимания находится та часть финансового сектора, которая обслуживает воспроизводственный процесс. Финансирование обеспечивает необходимый «глоток свежего воздуха», без которого экономика не может сделать ни шагу в направлении роста. Структура основных источников, из которых поступают денежные средства (инвестиции) в экономику – а именно на этом вопросе мы концентрируемся в данной статье, – формирует основу институциональных моделей финансирования реального сектора в разных странах. Для сравнения выбраны две страны – Россия и США. Сопоставляются многолетние данные о поступлениях финансовых средств на инвестиции в корпоративном секторе США и в российской экономике.

Сравнительный анализ источников инвестиций в основной капитал двух стран затрудняется из-за различий в структуре данных, предоставляемых Федеральной службой государственной статистики РФ (Росстатом) и Статистическим бюро США (U.S. Census Bureau)[2].

Первое отличие касается состава обследуемых предприятий. Так, в РФ в открытом доступе представлены данные по источникам инвестиций в основной капитал для юридических лиц всех форм собственности (без субъектов малого предпринимательства), включая коммерческие и некоммерческие организации. Здесь объединяются субъекты как государственной, так и всех видов негосударственной соб-

[2] Различия в организации и методах статистического учета инвестиций в нашей стране и США имеют традиционный характер. Об этом подробно писали, в частности, советские экономисты (см., например (Кваша, 2003)).

Журнал НЭА,
№2 (18), 2013,
с. 129–155

ственности (частной, собственности государственных корпораций, смешанной собственности, совместной собственности и т.д.). Они включают предприятия всех отраслей, в том числе финансовые и сельскохозяйственные предприятия, если они выступают инвесторами, застройщиками, заказчиками, подрядчиками или пользователями объектов капитальных вложений (Методологические положения, 2009). Соответственно в статистике США структура источников финансовых поступлений, в том числе на инвестиции, представлена для корпоративного нефинансового несельскохозяйственного сектора (без учета индивидуальных предпринимателей и малых предприятий). Поэтому в случае России исследуемый круг экономических субъектов шире собственно реального сектора, так как включает финансовые предприятия, а в США он, наоборот, несколько *уже*, так как не включает сельскохозяйственный сектор.

Тем не менее и в том, и в другом случае статистика охватывает основную массу хозяйствующих субъектов и поэтому может быть использована для сравнительного анализа основных тенденций.

Второе отличие связано со структурой поступления и использования финансовых средств. Так, для анализируемых российских предприятий статистика обособляет учет инвестиций в основной капитал, выделяя внутренние и внешние источники их поступления. В структуре внутренних источников выделены прибыль после распределения, амортизация и проч. собственные средства предприятий. Во внешних (привлеченных) средствах выделяют кредиты банков, взносы, средства от продажи акций, иные формы заемных средств, в том числе кредиты государства, облигационные займы, векселя и др., средства вышестоящих организаций, средства бюджетов всех уровней и внебюджетных фондов, иностранные инвестиции (Методологические положения, 2009).

В свою очередь в структуре финансовых поступлений в корпоративный сектор США средства на воспроизводство реального сектора не обособляются. Если амортизационные средства – прямой источник инвестиций в развитие основного капитала, то другие элементы внутренних источников («прибыль после распределения» и «прочие») расходуются не только на инвестиции, но и на другие цели. То же касается и внешних источников финансовых поступлений: в их составе сложно обособить инвестиции в основной капитал корпораций, так как они не отделяются от средств для финансовых инвестиций и пополнения оборотных расходов. Приводимая статистика по величине внешних источников («Привлеченные средства») учитывает чистый прирост всех финансовых обязательств (**Net increase in liabilities**) безотносительно направлений их использования. Во-первых, к ним относятся «Средства с рынка» (**Net funds raised in markets): кре**диты, займы, разного рода облигации и ценные бумаги, а также доходы от выпуска новых акций. Во-вторых, сюда включаются «Прочие сред-

Журнал НЭА, №2 (18), 2013, с. 129–155

ства», т.е. задолженности поставщикам и налоговой системе, прямые иностранные инвестиции и прочие обязательства.

Еще одно отличие состоит в том, что в американской статистике корпоративного сектора не выделяются такие источники, как средства вышестоящих организаций, а также средства государственных бюджетов (задолженность налоговой системе, которую можно было бы интерпретировать как аналог бюджетного финансирования, составляет тысячные доли процента). Тем не менее учитываются включенные в состав муниципальных ценных бумаг так называемые «индустриальные доходные облигации» (Industrial Revenue Bonds, или IRB). Они представляют собой род ценных бумаг, выпускаемых муниципальными и региональными правительствами для финансирования инвестиционных проектов на своих территориях. Особенности действия данного финансового инструмента позволяют считать эту группу расходов аналогом финансирования инвестиций за счет бюджетных средств. Поступления от выпуска облигаций передаются предприятиям «в аренду», и на весь срок действия облигаций (например, 20 лет) правительство как эмитент IRB считается собственником возводимого объекта. На это время компания освобождается от имущественного налога на землю и получает налоговые каникулы в уплате налога на оборудование, т.е. косвенную бюджетную субсидию. Период налоговых льгот заканчивается, когда сумма «сбереженного налога» сравняется со стоимостью IRB и выплаченных по ним процентов (Schuman, 2012). Основная цель IRB – стимулирование инвестиций для развития бизнеса, увеличения числа рабочих мест и последующего расширения налоговой базы местных и региональных бюджетов.

Чем можно объяснить выявленные особенности статистического учета двух стран? Для России обособление данных по инвестициям в основной капитал имеет долгую, как минимум советскую, историю, когда централизованно формировались программы капитальных вложений. Они требовали специального учета всех средств на эти цели, что сохранилось и в современной российской статистике инвестиций в основной капитал.

Что касается американской экономики, то частный характер корпоративной собственности ограничивает полноту раскрытия хозяйственной информации. С одной стороны, опубликование данных по объему амортизационных отчислений, уменьшающих налог на прибыль, безусловно, выгодно корпорациям, и эти данные отражаются в полном объеме. В то же время доступ аутсайдеров к внутренней информации о структуре инвестиционного портфеля не всегда желателен. Поэтому американская статистика не выделяет конкретных направлений использования корпорациями привлекаемых финансовых средств.

Отмеченные несовпадения структуры данных по субъектам учета, а также особенностям группировки источников финансирова-

Журнал НЭА,
№2 (18), 2013,
с. 129–155

ния налагают определенные ограничения на сопоставительный анализ статистических данных России и США. Тем не менее, как будет показано в дальнейшем, эти несовпадения не отменяют правомерности получаемых выводов.

Результаты статистических сопоставлений

Начнем с анализа состояния американской экономики. Динамика источников финансирования корпоративного сектора США представлена в табл. 1.

Таблица 1

Структура поступления финансовых средств в корпоративном секторе США, в текущих ценах, 1990–2010 гг.

Финансовые средства	Единица измерения	1990	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Средств, всего	млрд долл.	608	1,001	1,972	2,050	1,925	2,336	1,400	1,141	2,008
	%	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Внутренние источники, всего	млрд долл.	424	610	735	1,089	1,089	1,058	1,069	1,049	1,181
	%	69,8	60,9	37,3	53,1	56,6	45,3	76,4	91,9	58,8
В том числе:										
• прибыль после распределения	млрд долл.	27	114	13	515	342	264	73	25	227
	%	4,4	11,4	0,6	25,1	17,8	11,3	5,2	2,2	11,3
• амортизация	млрд долл.	352	443	620	575	598	626	810	824	735
	%	58,0	44,3	31,4	28,1	31,0	26,8	57,8	72,2	36.6
• прочие	млрд долл.	45	52	103	–2	149	169	186	200	220
	%	7,4	5,2	5,2	-0,1	7,7	7,2	13,3	17,5	10,9
Привлеченные средства, всего	млрд долл.	184	391	1,237	961	836	1,277	331	92	827
	%	30,2	39,1	62,7	46,9	43,4	54,7	23,6	8,1	41,2
В том числе:										
• средства с рынка	млрд долл.	72	179	244	-18	-99	-44	-43	-69	81
	%	11,8	17,9	12,4	-0,9	-5,1	-1,9	-3,1	-6,0	4.0
• из них: местные IRB	млрд долл.	0	3	1	8	5	8	3	6	8
	%	0	0,3	0,1	0,4	0,3	0,3	0,2	0,5	0,4
• прочие	млрд долл.	112	212	993	979	935	1,321	374	161	746
	%	18,4	21,2	50,4	47,8	48,6	56,6	26,7	14,1	37,1
• из них: смешанные обязательства	млрд долл.	83	131	673	782	826	1,285	601	220	555
	%	13,6	13,1	34,2	38,1	42,9	55,0	42,9	19,3	27,6
• из них: прямые иностранные инвестиции	млрд долл.	59	55	249	99	191	287	235	101	169
	%	9,7	5,5	12,6	4,8	9,9	12,3	16,8	8,8	8,4

Источник: U.S. Census Bureau, 2012, Table 752, Corporate Funds – Sources and Uses: 1990 to 2010, p. 495.

Журнал НЭА, №2 (18), 2013, с. 129–155

Как можно видеть, в американской экономике внутренние источники инвестиций заметно преобладают. Их доля в среднем держится на уровне 60% общей величины финансовых поступлений (а в 2009 г., самом тяжелом году современного мирового финансового кризиса, с учетом сложностей получения внешних инвестиций эта доля составила более 90%). Если учесть отмеченное выше соображение, что не все средства из внешних источников направляются на инвестиции в основной капитал, то доля внутренних источников окажется, очевидно, еще выше. Основную роль среди внутренних источников инвестиций играют амортизационные отчисления. В составе внутренних источников финансирования корпораций амортизация за последние 20 лет никогда не составляла меньше половины и доходила до 75–85%.

Соответственно привлеченные средства в виде кредитов, займов, доходов от ценных бумаг, прямые иностранные инвестиции и др. составляют меньшую долю. При этом в структуре привлеченных средств устойчиво сокращается доля заимствований с рынка, которые имеют четкую идентификацию (кредиты, займы, корпоративные ценные бумаги и др.), но возрастает доля прочих, среди которых преобладают так называемые «смешанные обязательства» (Miscellaneous liabilities). Пояснения к статистическим таблицам указывают, что сюда отнесены обязательства, которые оказывается невозможным отражать по отдельности. Такие неоднозначные заимствования (в большинстве случаев они включают разного рода инструменты страхования рисков и очевидно не относятся к инвестициям, уменьшая тем самым долю внешних источников в составе инвестиций еще больше) постоянно превышают долю традиционных финансовых инструментов. Более того, в конце рассматриваемого периода они устойчиво доминируют, перекрывая потери корпораций на финансовых рынках.

Уровень иностранных инвестиций в корпоративном секторе США в среднем держался на уровне 10%. Что касается доли такого аналога бюджетных средств, как IRB, то она составила менее 1%.

Российские данные о структуре инвестиций в основной капитал показывают в некотором отношении противоположную картину (табл. 2).

Во-первых, в нашей стране наблюдается иное соотношение внутренних и внешних источников инвестиций в основной капитал: в России оно составляет в среднем 45 к 55. Если в США основную часть инвестиций в реальный сектор составляют собственные средства предприятий, то в России, наоборот, более половины инвестиционных поступлений приходится на внешние источники.

Другим отличием является слабая роль амортизации: если в США она составляет главную величину в структуре собственных средств корпораций, используемых для финансирования реального сектора, то у нас она обычно – менее половины. В результате в общей

Журнал НЭА,
№ 2 (18), 2013,
с. 129–155

Таблица 2

Структура инвестиций в основной капитал по источникам финансирования в России в фактически действовавших ценах, 1998–2011 гг., %

Финансовые инвестиции	1995	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Инвестиции в основной капитал, всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
В том числе собственные средства	49	52	48	49	45	45	45	44	42	40	39	37	41	42
Из них: ● прибыль	21	16	23	24	19	18	19	20	20	19	18	16	17	18
● амортизация	23	–	18	19	22	24	23	21	19	18	17	18	21	20
● прочие	5	–	7	6	4	3	3	3	3	3	2	3	3	4
Привлеченные средства	51	48	52	51	55	55	55	56	58	60	61	63	59	58
Из них: ● кредиты банков, займы	–	9	10	9	12	13	15	14	16	17	18	18	15	14
● бюджетные средства и средства внебюджетных фондов	33	26	27	23	22	21	19	21	21	22	21	22	20	19
● средства вышестоящих организаций	–	–	–	–	12	13	13	11	13	11	14	16	18	19
● прочие	18	13	15	19	9	8	8	10	8	10	8	7	6	6
Из них: прямые иностранные инвестиции	–	–	5	–	–	–	–	7	–	–	5	6	4	–

Источник: Структура инвестиций, 2012.

Примечание. В таблице знаком «–» помечены годы, по которым отсутствуют данные. Показатель «Прямые иностранные инвестиции» см. в (Инвестиции в России, 2011, таблица «Структура инвестиций в основной капитал по источникам финансирования»).

Журнал НЭА, №2 (18), 2013, с. 129–155

структуре инвестиций в основной капитал амортизационные отчисления российских экономических субъектов составляют менее четверти всех средств, используемых на эти цели[3].

Третье отличие касается состава внешних источников инвестиций и количественного различия их структуры. В России представлен такой источник, как централизованно распределяемые средства из государственных бюджетов разных уровней и внебюджетных государственных фондов, причем этот источник в структуре привлекаемых инвестиций наиболее значителен. Его доля устойчиво превышает величину средств, привлекаемых с рынка. При этом доля кредитов и аналогичных инструментов, тем не менее, постепенно растет, а доля государственных ассигнований слегка сокращается.

Особенностью России является также такой источник инвестиций для предприятий, как средства вышестоящих организаций, распределяемые на нужды инвестиций[4]. Их доля постепенно возрастает, и они становятся столь же значимым элементом инвестиций, как амортизация, прибыль, бюджет и кредитные ресурсы.

Наконец, последнее отличие – доля прямых иностранных инвестиций в России в среднем в два раза ниже, чем в корпоративном секторе США, и находится на уровне чуть выше 5%.

Для более глубокого понимания выявленных различий сопоставим российские и американские инвестиции также по формам собственности, хотя статистические разрезы по форме собственности в России и США не вполне совпадают. Обратимся сначала к данным американской статистики.

Структура собственности США включает два основных вида: государственную (federal, state and local governments) и частную формы собственности. Можно видеть (табл. 3), что в структуре валовых инвестиций в основной капитал доля государственного сектора не превышала 23%.

Представленное соотношение инвестиций отражает национальную структуру основных фондов. Долговременные данные свидетельствуют о том, что доля основных фондов государственного сектора США относительно невелика, хотя и монотонно растет и достигла в 2010 г. почти 23%[5]. Государственные инвестиции замкнуты на госу-

---

[3] Сравнительно низкая доля амортизации в структуре инвестиций не является характеристикой лишь переходного периода российской экономики с его гиперинфляцией, бессистемными переоценками основных фондов и перерасчетами амортизации. И в дореформенный период амортизационные отчисления в России составляли не более 40% общего объема валовых инвестиций (Куницына, 2005, с. 30). То же было характерно и для советского периода – в лучшем случае доля амортизационных затрат на возмещение основных фондов составляла 30–35% всех капитальных вложений, или инвестиций в основной капитал (Кваша, Красовский, 2003, с. 73).

[4] Средства вышестоящих организаций, согласно правилам заполнения формы П-2 (инвест), включают в себя в том числе средства холдинговых и акционерных компаний, промышленно-финансовых групп на безвозмездной основе. Учет инвестиций во взаимосвязанных, или ассоциированных, компаниях, согласно Международному стандарту финансовой отчетности 28, осуществляется пропорционально – по долевому участию. Поэтому учет средств вышестоящих организаций в составе привлеченных средств означает не только их статистическое, но и фактическое обособление от внутренних источников инвестиций (амортизации и прибыли). Для того чтобы точнее определить наполнение статьи «средства вышестоящих организаций», необходим более глубокий анализ на основе данных консолидированной финансовой отчетности и бухгалтерского учета.

[5] Минимальный уровень в 14–15% наблюдался во времена Великой депрессии. Максимальная доля основного капитала в государственном секторе США отмечена в конце Второй мировой войны: в 1945 г. она составляла 34,9% (U.S Census Bureau, 2010) .

Журнал НЭА,
№2 (18), 2013,
с. 129–155

Таблица 3

Валовые инвестиции в основной капитал частного и государственного секторов США, 2003–2010, %

Секторы экономики США	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Частный	82,8	83,7	84,4	84,2	82,9	81,0	77,2	77,4
Государственный	17,2	16,3	15,6	15,8	17,1	19,0	22,8	22,6

Источник: U.S. Bureau of Economic Analysis, 2012, Table 5.9, Changes in Net Stock of Produced Assets – Fixed Assets and Inventories.

Таблица 4

Инвестиции в основной капитал в России, по формам российской собственности*, %

Инвестиции	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
В основной капитал, всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
В том числе собственность: ● государственная	27	25	22	24	19	21	21	20	20	21	18	17
● муниципальная	6	6	5	6	4	4	4	4	4	4	3	3
● частная	34	42	47	47	52	51	53	56	56	60	62	61
● смешанная (без иностранного участия)	32	25	21	19	18	15	13	12	11	8	9	12
● государственные корпорации	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	2
● совместная (с иностранным участием)	1	2	5	4	7	9	9	8	9	7	7	5

*Из анализа исключена иностранная собственность, доля которой в совокупных инвестициях в основной капитал составляла от 12% в начале 2000-х годов до 6–8% в 2009–2011 гг.

Источник: Инвестиции в основной капитал, 2012.

дарственный сектор подведомственных правительственных организаций; они не направляются в корпоративный сектор, представленный преимущественно частными предприятиями.

Если же мы рассмотрим структуру собственности в России, то увидим, что она является гораздо более сложной. В соответствии с Общероссийским классификатором форм собственности ОК 027-99 ОКФС, введенным с 1 января 2000 г., в стране различали 26 основных форм собственности. С 2010 г. в составе федеральной собственности обособили еще одну форму собственности – собственность государственных корпораций[6].

В табл. 4 приведены данные об инвестициях в основной капитал по укрупненной группировке форм собственности в России.

[6] Отметим, что в странах Восточной Европы, одновременно с нами начавших переход «от социализма к капитализму», такой структуры собственности сегодня нет – их статистика по обсуждаемым темам строго повторяет структуру статистики США. В то же время статистика собственности в КНР имеет аналогичную с Россией структуру: в ней выделяют государственную, муниципальную, частную, смешанную китайскую, совместную китайскую с иностранной формой собственности (Чжен, 2010, с. 13).

Журнал НЭА, №2 (18), 2013, с. 129–155

По данным официальной статистики, доля инвестиций в предприятия частной формы собственности в России составляет в настоящее время 61% по сравнению с 77% в США. При этом, если в американской экономике доля последней в последнее десятилетие уменьшается, то в российской, наоборот, растет. Означает ли это, что происходит соответствующее снижение доли и влияния государственных структур в инвестиционном процессе? Тщательный анализ организации статистического учета в современной России заставляет в этом усомниться.

Во-первых, становится более представительной сама структура собственности с участием государства: в ее составе выделилась доля государственных корпораций.

Во-вторых, как следует из действующих в России Правил присвоения кода формы собственности (Инструкция о порядке учета юридических лиц, 1999), порой частная собственность не является частной в полном смысле этого слова. Например, согласно указанным правилам, к смешанным формам собственности относятся такие, в составе учредителей которых присутствуют структуры государственного управления (федеральные, региональные, муниципальные). Но если юридические лица с любой разновидностью смешанной собственности выступают учредителями других субъектов хозяйственной деятельности, то последние уже учитываются как предприятия частной формы собственности (Там же, ч. 1, п. 4.6.24). Очевидно, что в таких случаях роль учредителей «первого порядка» (государственных структур) продолжает сохраняться, хотя официально данная организация учитывается в статистике как «частная собственность». Можно привести еще ряд примеров того, как происходит кодификация предприятий частных форм собственности, за которыми по сути сохраняется шлейф государственного имущества и управления (Там же, п. 4.18 или 4.6.36).

В-третьих, в ряде случаев смешанную собственность резонно относить к разновидности государственной. Примером является кодификация собственности акционерных обществ, учрежденных в процессе приватизации с «золотой акцией», находящейся в государственной собственности. Согласно упомянутым выше правилам, такие общества идентифицируются как одна из форм смешанной собственности, хотя большая часть этих предприятий подпадает под определение того, что следует считать государственным предприятием, данное Европейским центром государственного предпринимательства в 1984 г., а именно: «Государственное или с участием государства предприятие – всякое предприятие, в котором государство, государственное учреждение или общины, прочие государственные предприятия являются в отдельности или совместно, прямо или косвенно собственником доли капитала, размеры которой либо превышают половину капитала предприятия, либо, будучи меньшей в капитале предпри-

Журнал НЭА,
№2 (18), 2013,
с. 129–155

ятия, позволяют государству одним фактом своего существования или, сообразуясь с особыми правами, располагать действительной властью на предприятии» (Bizaguet, 1988, p. 9). Как отмечают специалисты, так называемые смешанные предприятия, наращивающие свой потенциал, стали с 1996 г. настоящими локомотивами и опорами экономики Российской Федерации (Макаревич, 1999, с. 232), хотя официальной статистикой роль государства в данном случае не учитывается.

В-четвертых, совместная (с иностранным участием) собственность включает предприятия, учрежденные не только частными, но и государственными структурами совместно с иностранным капиталом.

С учетом вышеизложенного данные официальной российской статистики о реальной роли государственных средств в финансировании реального сектора представляются заниженными.

Подводя итоги статистических сопоставлений финансирования реального сектора в США и России, можно сделать следующие выводы:

- в американской экономике главными источниками инвестиций в основной капитал реального сектора являются собственные средства частных корпораций, прежде всего амортизационные отчисления;
- в российской экономике более значимы внешние источники инвестиций, в том числе поступления из государственного бюджета, внебюджетных фондов и вышестоящих организаций. Если иметь в виду, что и внутренние источники инвестиций в основной капитал прямо или косвенно включают ресурсы государственных предприятий и организаций, то следует признать более важную роль государственных источников инвестиций в России по сравнению с частными источниками.

Выявленные различия каналов финансирования реального сектора в США и России позволяют различить две институциональные модели воспроизводственного процесса, которые можно назвать «государство-регулятор» в первом случае и «государство-инвестор» – во втором. В первой модели инвестиционные ресурсы сосредоточены в бизнес-сообществе, а основная задача государственных органов состоит в создании условий стимулирования инвестиций и экономического роста. Вторая модель предполагает концентрацию инвестиционных ресурсов и централизованное управление ими со стороны государственных структур.

Характерно, что в период кризисов, сопровождающихся общим сокращением инвестиций, выявленные модели проявляются еще более выпукло. Если в США в кризисные годы доля внутренних источников заметно увеличивается, то в России в аналогичный период она сокращается, в то время как характерная для модели «государство-инвестор» доля привлеченных средств возрастает.

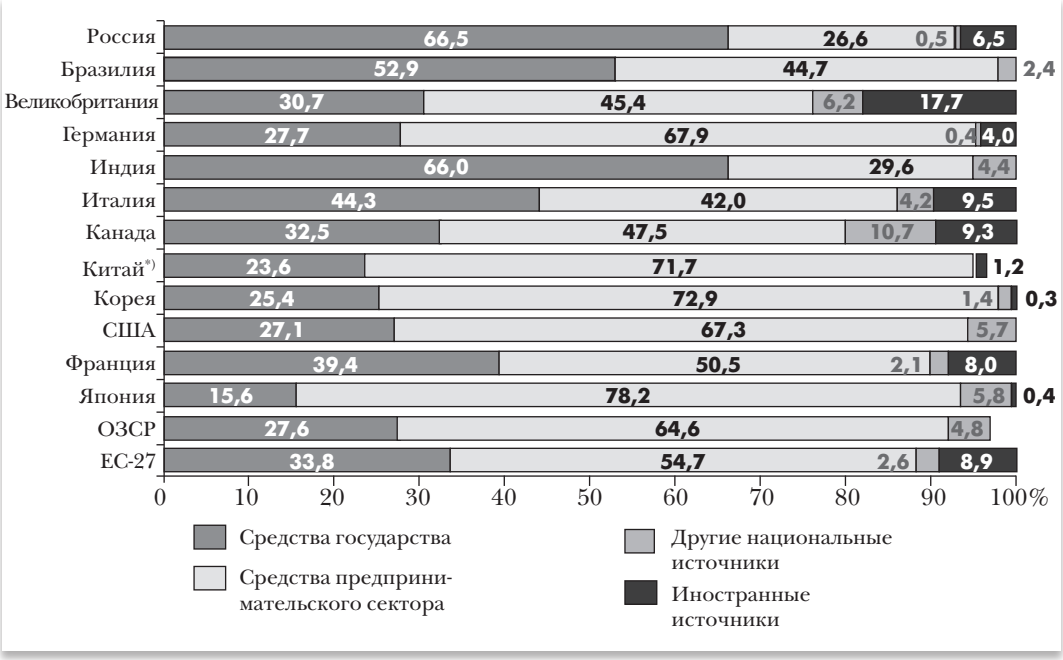
Журнал НЭА,
№2 (18), 2013,
с. 129–155

Институциональные модели «государство-инвестор» и «государство-регулятор»

Финансирование реального сектора является частью воспроизводственного процесса, включающего также финансирование исследований и разработок (ИР) и предоставление необходимых для экономического роста «длинных денег» банковской системой. Различие обозначенных институциональных моделей наблюдается и в этих сферах российской и американской экономик.

Так, на представленном рисунке можно видеть сравнительную роль государства в финансировании исследований и разработок (ИР) – необходимой предварительной стадии обеспечения роста реального сектора экономики.

В американской экономике доля государственных расходов в структуре затрат на ИР, обеспечивающих технологическую основу развития реального сектора, составляла в 2009 г. 27,1, а в России – 66,5% соответственно. При этом анализ динамики российского показателя в последние годы показывает, что государственная доля финансирования постепенно возрастает: от 63,4% в 2007 г. до 70,7% в 2010 г. (Наука, технологии, 2011, с. 31).



Рисунок

Структура внутренних затрат на исследования и разработки по источникам финансирования и странам, 2009 г.

*) При анализе статистики Китая следует иметь в виду, что инвестиции предпринимательского сектора включают средства как частных, так и государственных предприятий. Расчеты специалистов показывают, что в инвестициях предпринимательского сектора КНР доля госкомпаний, т.е. государственного сектора, составляет от 50 до 70% (Sinha, Banerjee, 2009). Таким образом, суммарная доля государства может быть оценена на уровне примерно двух третей общих расходов на ИР.

Источник: Российский инновационный индекс, 2011, с. 31.

Журнал НЭА,
№2 (18), 2013,
с. 129–155

Очевидно, что в России в сфере исследований и разработок государство является основным инвестором (о централизованном управлении инновациями и особенностях национальной инновационной системы в России см. также (Камко, 2012)), в отличие от американской экономики, где доминируют инвестиции частных предпринимательских структур.

Аналогичная ситуация наблюдается и в банковском секторе сравниваемых стран. В США, как известно, практически нет государственных банков. Таким образом, необходимые для развития реального сектора кредиты, выдаваемые банками, – это средства частной (по форме собственности) кредитно-банковской системы. В российской экономике с 1980–1990-х годов, с началом перестройки, также была предпринята попытка заменить государственную банковскую систему, исторически доминировавшую в нашей стране, частной. С этой целью были приватизированы существовавшие государственные банки, разрешена организация новых, «нулевых», частных банков, на территорию страны были допущены иностранные кредитные организации с частным капиталом. Тем не менее анализ динамики банковского сектора России показывает, что происходит возврат государства в банковскую сферу. Уже к 2000 г. доля подконтрольных государству банков на рынке банковских услуг возросла до трети, а с 2010 г. составляет уже более половины и продолжает расти (Верников, 2009; Vernikov, 2012). Причины такой эволюции национальной банковской системы были показаны в наших работах (Верников, Кирдина, 2010; Kirdina, Vernikov, 2013). Таким образом, и со стороны кредитно-банковской системы России государство, в отличие от экономики США, способно играть более важную роль в финансировании реального сектора по сравнению с частными структурами.

Характер динамики российских данных по финансированию реального сектора экономики показывает, что в нашей стране модель «государство-инвестор» (распространенная во времена СССР и демонтированная в постсоветской России) в настоящее время находится, скорее, в стадии восстановления. Основные черты такой модели более явно проявляются сегодня в КНР, где она послужила основой успешной модернизации экономики, поэтому для ее иллюстрации полезно обратиться к китайским данным.

Как отмечают специалисты, государство играет основную роль в инвестиционном процессе в КНР. Инвестиционная активность государства проявляется, во-первых, непосредственно в условиях особой планово-рыночной системы экономики, позволяющей централизованно управлять капитальными ресурсами (Львова, 2011, с. 10–11); во-вторых, через контролируемые государством кредитные институты и компании (Анисимов, 2002).

В первом случае речь идет об инвестициях государственных компаний. Как отмечают встревоженные наблюдатели западных

Журнал НЭА, №2 (18), 2013, с. 129–155

стран, набирающие силу «государственные предприятия Китая способны и готовы изменить правила глобальной экономической конкуренции» (Schuman, 2012). Государственные компании получают финансирование в виде государственных субсидий, нормативные привилегии, различные льготы. Несмотря на идеологическое неприятие западными экспертами подобной политики, они вынуждены признать, тем не менее, что компании подобного типа – «весьма мощная и результативная смесь, которая вполне может придать новую форму глобальной конкурентной среде» (Там же). Она также способствует росту влияния КНР на международных рынках. Роль государственных компаний проявляется и в сфере ИР. Как показано выше на рисунке (см. примечание), с их учетом доля государства в совокупных внутренних затратах на исследования и разработки составляет примерно две трети общей величины.

Во втором случае речь идет о реализации инвестиционных приоритетов страны с помощью государственной банковской системы, и в частности Государственного банка развития. «В 2009 г., к примеру, банк предоставил кредиты под проекты в сфере строительства автомобильных и железных дорог, портов, аэропортов, нефте- и газопроводов, а также офисов и супермаркетов на 497,5 млрд юаней (71,9 млрд долл.), что составило 78,4% всего портфеля выданных кредитов» (Чжифэн, 2011). Также в экономике Китая выделяются «политические» банки – государственные банки для поддержки национальной экономической стратегии, действующие на принципах планового управления, целевого аккумулирования средств и безубыточности. Далее следуют государственные коммерческие банки для развития конкретных секторов экономики и т.д. (подробнее о структуре банковской системы КНР см. (Верников, Кирдина, 2010, с. 265–269)).

В результате в КНР выстроена многоступенчатая система инвестирования, включающая государственные и частные инвестиции, при этом государство играет роль основного инвестора и в то же время всеми способами привлекает частные (в том числе и иностранные) инвестиции. Система включает разработку долгосрочных планов инвестиций и мероприятия, направленные на улучшение инвестиционного климата, политику регулирования цен – когда свободное ценообразование сочетается с мерами жесткого контроля над издержками и ценами и т.д. (Чжифэн, 2011).

Преимущество институциональной модели «государство-инвестор» состоит в возможности централизованно направлять ресурсы в приоритетные отрасли инвестирования и избегать циклических колебаний. В то же время ее основной проблемой является слабая мотивация потенциальных новаторов (что может приводить к застойным явлениям, как это произошло в СССР), а также высокий риск коррупции и воровства инвестиций на местных уровнях, что отмечают в своих работах эксперты (см., например, (Yanrui, Zhengxu,

Журнал НЭА,
№2 (18), 2013,
с. 129–155

Dan, 2009)). Борьба с этими рисками предполагает активное использование дополнительных мер из альтернативной модели «государство-регулятор», а также дальнейшее совершенствование самой модели «государство-инвестор».

Что касается институциональной модели «государство-регулятор», характерной для США, то она достаточно подробно, на наш взгляд, описана в экономической литературе. Ее особенности анализируются в многочисленных работах по государственному регулированию инвестиционной деятельности в рыночной экономике, вплоть до учебников. Поэтому здесь мы ограничимся лишь некоторыми замечаниями.

Прежде всего важнейшим средством стимулирования инвестиционного процесса в модели «государство-регулятор» служит общенациональная политика ускоренной амортизации для более быстрого и эффективного обновления основных фондов в реальном секторе. Подробно этот феномен рассмотрен в фундаментальных обзорах амортизационной политики США и России (Федорович, Патрон, 2007; Соколов, 2010а, 2010б; Мальцева, 2011). Другой иллюстрацией этой модели может служить Программа инвестиционных компаний для малого бизнеса, созданная с целью поддержки венчурного финансирования в США. Если сначала американское государство предполагало поддержку венчурного инвестирования в форме прямого участия в капитале создаваемых компаний, то затем ограничилось предоставлением государственных гарантий по облигациям, выпускаемым фирмами венчурного капитала. Как отмечают исследователи, «в связи с большими убытками США отказались от поддержки венчурного инвестирования с использованием механизмов участия в собственном капитале фирм венчурного капитала» (Спицын, 2010, с. 9) в пользу косвенных мер поддержки и регулирования. Это соответствует общей стратегии американского государства – «за последние 30 лет правительство США практически отказалось от ... прямого владения фирмами» (Флигстин, 2007, с. 42).

Преимуществами модели «государство-регулятор» – при эффективной государственной политике – являются высокая инвестиционная активность рыночных субъектов и в связи с этим – более высокая скорость технологического обновления производства. Именно децентрализация, по мнению ряда экспертов, обеспечивает постоянный поток инноваций в рыночных экономиках (Корнаи, 2012). Издержками данной модели в сфере финансирования реального сектора являются риски цикличности и надувания «финансовых пузырей» (Перес, 2011), которые возникают на фондовых рынках в результате «погони за прибылью» обособленных рыночных субъектов. Снижение рисков действия институциональной модели «государство-регулятор» достигается как ее совершенствованием, так и включением элементов альтернативной, комплементарной модели «государство-инвестор»,

Журнал НЭА, №2 (18), 2013, с. 129–155

дополняющей общую инвестиционную практику. К ним относятся развитие сети государственно-частных партнерств (Акитоби, Хемминг, Шварц, 2007), финансирование разнообразных программ развития за счет федерального бюджета, антикризисная поддержка реального сектора (Голышева, 2012) и др.

Концепция *X*- и *Y*-экономик – теоретическое обоснование различия институциональных моделей финансирования реального сектора

Доминирование в США и России разных моделей финансирования реального сектора мы связываем со спецификой общего институционального контекста рассматриваемых экономик. Модель «государство-регулятор» характерна для экономики, где преобладают рыночные (обменные – в широком смысле слова) отношения и частная собственность. В свою очередь, модель «государство-инвестор» лучше вписывается в институциональную систему, где чисто рыночные отношения не играют главенствующей роли. Другими словами, эти модели адаптированы к разным типам экономических систем.

Идея о двух классах экономик, различающихся распространенностью рыночных отношений и базовыми структурами собственности, не нова. Пожалуй, впервые эта тема обсуждалась еще в переписке К. Маркса с Ф. Энгельсом в 1853 г. Тогда Маркс указал на азиатский способ производства с отсутствием частной собственности на землю как альтернативный европейскому путь экономического развития (БСЭ, 1969, с. 117).

В 1939 г. немецкий экономист Вальтер Ойкен написал известную книгу (Eucken, 1939), где отмечал: «Историческое исследование во всех эпохах обнаруживает две чистые основные формы: идеальные типы неменовой “централизованно управляемой экономики” и “меновой экономики”. Следы других экономических систем – помимо этих двух – не удается обнаружить ни в современной экономической действительности, ни в прошлом; вряд ли можно себе представить, что они будут найдены и в будущем» (Ойкен, 1993, с. 19). Своеобразие всех реально существующих хозяйственных порядков в конкретных странах Ойкен объяснял тем, что в них определенным образом взаимодействуют упомянутые чистые формы, которые в другое время и в другом месте осуществляются в иных сочетаниях (Ойкен, 1996, с. 213).

В 1957 г. известный антрополог венгерского происхождения Карл Поланьи дополнительно обосновал и уточнил эти представления (Polanyi, 1957). Наиболее полно его взгляды отражены в посмертно изданной друзьями ученого книге «*The Livelihood of Man*», до сих пор полностью не переведенной, к сожалению, на русский язык. Исследуя формы интеграции экономического процесса в разные исторические эпохи и в разных странах, Поланьи выделил три основные: редистри-

Журнал НЭА,
№2 (18), 2013,
с. 129–155

буцию[7] (redistribution), **обмен (exchange) и реципрокацию (reciprocity)**. При этом обмен и редистрибуцию Поланьи выделяет в качестве основы классификации всего множества национальных хозяйств.

В начале 2000-х годов американский ученый-компаративист Стивен Роузфилд пишет книгу (уже дважды переизданную), где также обращает внимание на два качественно различных типа экономик (Rosefielde, 2008). **Это «экономики категории А» – рыночные саморегулирующиеся экономики**, характерные для западных стран, и ««экономики категории В», или культурно регулируемые системы, которые, на его взгляд, характерны для азиатских стран (Роузфилд, 2004, с. 427).

Попытки теоретического осмысления экономик нерыночного типа предпринимаются и в современной России. В 1990-е годы стало формироваться понимание того, что российские рыночные реформы, несмотря на уничтожение плановой системы хозяйствования, политическую волю лидеров страны тех лет и активное международное содействие, наталкиваются на «становой хребет» иных экономических отношений, по-своему преломляющих ход трансформационного процесса. Это стимулировало оригинальные теоретические разработки.

Историк Санкт-Петербургского госуниверситета Н.П. Дроздова предложила неоинституциональную концепцию экономической истории России. Она отмечает, что «понятие эффективности функционирования системы нельзя сводить только к рыночным критериям. Система функционирует эффективно, если она достигает поставленных целей с минимальными затратами» (Дроздова, 1998, с. 693). В своих исследованиях Дроздова доказывает, что в многовековой истории России цели развития достигались «огромной ролью государственной и коллективной форм по отношению практически ко всем объектам прав собственности» (Там же, с. 696).

В рамках цивилизационного подхода экономист из Волгоградского госуниверситета Н.Н. Лебедева поставила вопрос об институциональных основах различных форм хозяйствования. Она отмечает, что специфику экономической цивилизации определяют институциональные структуры, базирующиеся на основном экономическом отношении. Экономическая цивилизация складывается либо на базе коллективного сотрудничества в рамках единого хозяйства, либо на основе преобладания отдельных индивидуальных усилий, способствующих выживанию группы людей. В последнем случае результатом общественной деятельности является формирование частной собственности (Лебедева, 2000, с. 200–201). Российская же действительность, полагала ученый, демонстрирует иной тип институциональной структуры.

---

[7] Схема редистрибуции включает в себя три стороны: пару хозяйствующих субъектов и опосредующего их отношения Центра. Такая модель отношений содержится в формуле Карла Поланьи storage–cum–redistribution (Polanyi, 1977, p. 40–41), обозначающей непрерывный процесс сбора и аккумулирования (storage, collection) производимых отдельными хозяйствующими субъектами продуктов, совмещаемый посредством Центра (в процессе согласований) с направлением ресурсов и вновь производимой продукции в производство и потребление (distribution, redistribution). Соответствующие операции касаются не только ресурсов (благ, услуг, продуктов), но и соотносимых с ними правовых норм (учета, контроля и т.д.).

Журнал НЭА, №2 (18), 2013, с. 129–155

С начала 1990-х годов представительница Новосибирской социологической школы О.Э. Бессонова разрабатывает институциональную теорию развития хозяйства России, или теорию раздаточной экономики (Бессонова, 1993, 1997 и др.). Теория описывает функционирование и развитие экономики российского общества как естественный закономерный процесс развития конкретных свойственных ей экономических институтов, который носит поступательный циклический характер. Верификация теории применительно к отношениям российских экономических реформ (Бессонова, Кирдина, О'Салливан, 1996; Bessonova, Kirdina, O'Sullivan, 1996) показала высокую объяснительную и прогностическую возможность предложенной теории.

Представления о разных типах экономик, но уже в сравнительном институциональном анализе, развиваются в авторской теории институциональных матриц (ТИМ). Теория рассматривает широкий круг исторических и актуальных данных по разным странам и опирается на методологические разработки представителей ряда дисциплин, прежде всего социологии, экономики, политологии и истории. Идеи Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, Д. Норта, П. Сорокина, представителей российской государственной исторической школы XIX в., Т.И. Заславской, А.С. Ахиезера, Х. Лейбенстайна, как и отмеченных выше авторов, имели наибольшее значение для развития ТИМ. Объектом ее анализа являются системы исторически устойчивых базовых экономических, политических и идеологических институтов (*X*- и *Y*-институциональные матрицы), определяющие долговременные траектории социально-экономического развития государств (Кирдина, 2001; Матрица институциональная в социологии, 2003; Институциональных матриц теория, 2010; Kirdina, 2012).

Концепция *X*- и *Y*-экономик является одним из разделов ТИМ и изучает структуры базовых экономических институтов (подробнее об этом см. (Кирдина, 2004, 2007)). В ней показано, что эволюционная адаптация к условиям материально-технологической среды в ареале становления государств приводит к устойчивому доминированию определенных наборов институтов (правил, процедур, социальных технологий) в хозяйственной жизни общества. Эти наборы взаимосвязанных институтов формируют специфику так называемых *X*- и *Y*-экономик (табл. 5).

При общности выполняемых функций в экономической системе *X*- и *Y*-институты различаются по своему содержанию. При этом для экономик разных стран один набор базовых институтов, как правило, имеет определяющий, «рамочный» характер, является более важным, в то время как другой, столь же необходимый, служит комплементарным, дополнительным. Доминирование институтов *X*- или *Y*-экономики, исторически возникнув, сохраняется, как и доминирование всего комплекса институтов институциональной матрицы,

Журнал НЭА,
№2 (18), 2013,
с. 129–155

Таблица 5

Функции и содержание базовых экономических институтов *X*- и *Y*-экономик

Функции экономических институтов	Базовые институты *X*-экономики	Базовые институты *Y*-экономики
Движение благ (*transfer of goods*)	Редистрибуция* (аккумуляция – согласование – распределение) (*Redistribution* (*accumulation –coordination – distribution*))	Обмен (купля–продажа) (*Exchange* (*buying-selling*))
Закрепление благ (*Regulating access to goods* (*property rights system*))	Верховная условная собственность (*Supreme conditional ownership*)	Частная собственность (*Private ownership*)
Взаимодействие экономических агентов (*Interaction between economic agents*)	Кооперация (*Cooperation*)	Конкуренция (*Competition*)
Организация труда (*Labor system*)	Служебный труд* (*Employed (unlimited term) labor*)	Наемный труд (*Hired* (*short and medium term*) *labor*)
Сигналы обратной связи (эффективности) (*Feed-back loops* (*effectiveness indexes*))	Ограничение издержек (*X*-эффективность)* (*Cost limitation* (*X-efficiency*))	Возрастание прибыли (*Y*-эффективность) (*Profit maximization* (*Y-efficiency*))

* Понятие «редистрибуция» впервые введено К. Поланьи, «служебный труд» – О.Э. Бессоновой, «*X*-эффективность» – Х. Лейбенстайном.

включая политические и идеологические. Рассмотрение истории ряда стран показывает, что в странах Европы и «западных ответвлений» (Western offshoots), таких как страны Северной Америки, Австралия и Новая Зеландия, доминируют институты *Y*-экономики, в то время как в России, большинстве стран Азии и Латинской Америки – институты *X*-экономики[8].

Формы проявления базовых институтов постоянно меняются, развиваются, разнятся в зависимости от этапа развития, цивилизационного контекста, культурных обменов и т.д. Соотношение доминантных и комплементарных институтов также подвижно, следуя универсальному закону цикличности (волнообразности, спирали) развития. Неизменным в историческом времени – если не обращать внимания на отклонения в результате захвата ареалов влияния или революционных эксцессов – остается доминирование определенного типа экономики. Это и задает специфику устойчивого институционального контекста, «фильтрующего» приживаемость и перспективы развития используемых экономических новелл.

Институциональная модель «государство-инвестор» более адекватна комплексу институтов *X*-экономики. Сосредоточение инвестиционных ресурсов в государственных структурах позволяет использовать механизмы редистрибуции для развития инвестиционных проектов.

[8] Подробнее о причинах доминирования в истории России институтов *X*-экономики, связанных со спецификой материально-технологической среды, см. (Кирдина, 1999).

Журнал НЭА, №2 (18), 2013, с. 129–155

Институт верховной условной собственности, означающий невозможность полного (частного) обособления имущества в интересах управляющего им собственника, дает возможность внешнего соотношения потребностей и возможностей для инвестиций у различных хозяйствующих субъектов. При грамотной политике эта модель может способствовать концентрации инвестиционных потоков в наиболее важных для национального хозяйства направлениях. Тогда вместе с контролем (ограничением) издержек – характерным механизмом обратной связи в *X*-экономиках – создаются возможности рационально использовать ограниченные ресурсы для экономического роста. Модель «государство-регулятор» также действует, поскольку структуры государственного управления разных уровней формируют и контролируют условия инвестиций в реальный сектор на территории страны (через налоговую политику, законодательную деятельность и т.д.), но она имеет дополнительное значение.

В свою очередь, институциональная модель «государство-регулятор» формируется в условиях доминирования институтов *Y*-экономики. Основной ее задачей является упорядочение инвестиционной активности обособленных собственников через создание приемлемых «правил игры», способствующих экономическому росту страны в целом. В учебниках по *economics* регулирующая роль государства в определении правил обмена, создания условий для конкуренции производителей, обеспечения прибыли всем участникам хозяйственного процесса и т.п. описана весьма подробно. При этом государственные структуры могут выступать и в роли инвестора. Так, например, Министерство обороны США постоянно выступает в качестве заказчика для корпораций реального сектора и финансирует научно-исследовательские разработки. Так проявляется комплементарная роль модели «государство-инвестор» в *Y*-экономиках.

Опираясь на теоретическую концепцию *X*- и *Y*-экономик, можно, на наш взгляд, не только объяснить причины формирования выявленных институциональных моделей финансирования реального сектора в России и США. Концепция *X*- и *Y*-экономик позволяет сделать прогноз перспектив развития этих моделей, прежде всего для экономики нашей страны. Рискнем предположить, что в ближайшие годы в России будет происходить дальнейшее укрепление и легитимация институциональной модели «государство-инвестор». Это будет выражаться во все более отчетливом проявлении базовых институтов *X*-экономики при организации инвестиционного процесса в народном хозяйстве страны. Процессы глобализации будут по-прежнему способствовать внедрению элементов модели «государство-регулятор» в экономическую практику. Тем не менее усилится осознание их как комплементарных, дополнительных инструментов. Измерение глубины и моделирование происходящих в инвестиционной сфере институциональных изменений рассматриваются нами как задача следующего этапа исследований.

Журнал НЭА,
№2 (18), 2013,
с. 129–155

Заключение

Создание условий для стабильного экономического роста является одной из важных задач в любой стране. В связи с непрекращающимися угрозами многочисленных рисков[9] роль институтов становится особенно важной, поскольку именно институциональные механизмы позволяют снижать неопределенность в экономиках как *сложных открытых* саморазвивающихся системах (Розманский, 2009, с. 48). Вслед за Д. Нортом (North, 1989) все больше экономистов готовы признать: *institutions matter* (институты имеют значение). Полагаем, что теперь пришло время прежде всего уточнить, *где* и *какие именно* институты имеют значение. Мы показали, что для разных типов экономик это будут разные институты, объединяемые в комплексе либо *X*-, либо *Y*-экономики.

Анализируя конкретный экономический феномен – финансирование реального сектора в России и США, мы увидели две институциональные модели – «государство-инвестор» и «государство-регулятор». Используя положения концепции *X*- и *Y*-экономик, можно предположить, что эти модели характерны и для других стран. Доминирующая в США модель «государство-регулятор» характерна для европейских стран с доминированием институтов *Y*-экономики, а также Канады, Австралии и Новой Зеландии. В этих странах задачей государства является преимущественно обеспечение конкуренции и контроль исполнения контрактов в инвестиционной сфере. В свою очередь, восстанавливающаяся в России и действующая в КНР институциональная модель «государство-инвестор» близка странам Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. Она предполагает прямое участие государственных структур в инвестиционном процессе и создание государственных банков развития.

Хотя ни в одной из современных стран выявленные модели не являются единственными, а сосуществуют и активно взаимодействуют, тем не менее, как правило, одна из моделей устойчиво доминирует. Приоритетное положение той или иной модели связано с общим социально-экономическим и политическим контекстом, который определяется типом институциональной матрицы. Мы полагаем, что отмеченные различия имеет смысл принимать во внимание при анализе проблем и механизмов экономического роста.

Дальнейшие направления исследований мы связываем с более глубоким анализом специфических особенностей инвестиционного процесса в России и его институциональным дизайном по сравнению с другими странами, а также более детальным анализом обнаруженных на данном этапе закономерностей. Лишь на основе глубоких и непредвзятых исследований можно рекомендовать варианты политики, в которой бы оптимально сочетались комплементарные модели финансирования реального сектора – «государство-инвестор» и «государство-регулятор».

---

[9] Социологи У. Бек и Э. Гидденс еще в начале 1990-х годов определили современное общество прежде всего как «общество риска» (Beck, 1992; Giddens, 1991).

Журнал НЭА, №2 (18), 2013, с. 129–155

Литература

Акитоби Б., Хемминг Р., Шварц Г. (2007). Государственные инвестиции и государственно-частные партнерства // *Вопросы экономики*. № 40. (Washington: International Monetary Fund. Издание на русском языке).

Анисимов А. (2002). Капитализм за Великой стеной // *Русский предприниматель*. № 3–4. Май.

Бессонова О.Э. (1993). Раздаток как нерыночная система // *Изв. СО РАН. Сер. «Регион: экономика и социология»*. Вып. 1.

Бессонова О.Э. (1997). Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН.

Бессонова О.Э., Кирдина С.Т., О'Салливан Р. (1996). Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та.

БСЭ (1969). Большая советская энциклопедия. В 30 томах. Т. 1. М.: Советская энциклопедия.

Верников А.В. (2009). Доля государственного участия в банковской системе России // *Деньги и кредит*. № 11.

Верников А.В., Кирдина С.Г. (2010). Эволюция банков в *X*- и *Y*-экономиках. В сб: «*Эволюционная экономика и финансы: инновации, конкуренция, экономический рост*». Материалы VIII международного симпозиума по эволюционной экономике, г. Пущино, Московская область, Россия, 17–19 сентября 2009 г. / Под ред. В.И. Маевского и С.Г. Кирдиной. М.: Институт экономики РАН.

Веселов Д.А. (2011). Провалы рынка и провалы государства в модели перехода от стагнации к развитию // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 12.

Голышева М.О. (2012). Антикризисное государственное регулирование реального сектора экономики: международный опыт. [Электронный научный журнал] // *Управление экономическими системами*. № 8. Режим доступа: http://uecs.ru/index.php, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: май 2013 г.).

Дроздова Н.П. (1998). Неоинституциональная концепция экономической истории России: Постановка вопроса. В кн.: «*Экономическая теория на пороге XXI в.*» Т. 2. М: Юристъ.

Инвестиции в основной капитал (2012). Инвестиции в основной капитал в Российской Федерации по формам собственности (в фактически действовавших ценах), млрд руб. *[Электронный ресурс]* Сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. Режим доступа*: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/enterprise/investment/nonfinancial/#, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: февраль 2012 г.).*

Инвестиции в России–2011 г. (2011). М.: Федеральная служба государственной статистики.

Институциональных матриц теория (2010). В кн.: «*Социологический словарь*» / Отв. редакторы Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М: ИНФРА-М.

Инструкция о порядке учета юридических лиц (1999). Инструкция о порядке учета юридических лиц, их обособленных подразделений в Едином

Журнал НЭА,
№2 (18), 2013,
с. 129–155

государственном регистре предприятий и организаций. Часть 1 (утв. Госкомстатом РФ 22.1.12. 1999. № ФС-1-24/6483б ред. от 07.12.2001). [Электронный документ]. Режим доступа: http://zakonprost.ru/content/base/part/292586, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: май 2012 г.).

Камко Е.В. (2012). Централизованное управление инновациями в России: институциональный анализ // *TERRA ECONOMICUS*. № 2.

Кваша Я., Красовский В. (2003). Капитальное строительство и накопление. В кн.: «*Я.Б. Кваша. Избранные труды*». Т. 2. М.: Наука.

Кваша Я.Б. (2003). Капитальные вложения и основные фонды СССР и США. В кн.: «*Я.Б. Кваша. Избранные труды*». Т. 2. М.: Наука. (**Кваша Я.Б**. (1963). Капитальные вложения и основные фонды СССР и США. М.: Изд-во АН СССР).

Кирдина С.Г. (1999). Экономические институты России: материально-технологические предпосылки развития // *Общественные науки и современность*. № 6.

Кирдина С.Г. (2001). Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН.

Кирдина С.Г. (2004). *X*- и *Y*-экономики: институциональный анализ. М: Наука.

Кирдина С.Г. (2007). Модели экономики в теории институциональных матриц // *Экономическая наука современной России*. № 2(37).

Корнаи Я. (2012). Инновации и динамизм: взаимосвязь систем и технического прогресса // *Вопросы экономики*. № 4.

Куницына С.Ю. 2005. Амортизационные отчисления как инструмент высвобождения капитала предприятий // *Известия ИГЭА*. № 1 (42).

Лебедева Н.Н. (2000). Цивилизационная форма хозяйствования: Институциональные основы. В кн.: «*Экономическая теория на пороге XXI в.*». М.: Юристъ.

Львова Е.К. (2011). Территориальная структура инвестиций как фактор экономического развития КНР. Автореф. дис. ... канд. географических наук: 25.00.24. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова.

Макаревич Л. (1999). Структура собственности и борьба за ее передел в России в 1992–1999 гг. // *Общество и экономика*. № 10–11.

Мальцева А.В. (2011). Совершенствование амортизационной политики как способ налогового стимулирования инвестиционной деятельности организаций реального сектора экономики. [Электронный ресурс] В сб. научн. статей: «*Проблемы взаимодействия хозяйствующих субъектов реального сектора экономики России: финансово-экономический, социально-политический, правовой и гуманитарный аспекты*». Вып. 11. СПб.: НОУ ВПО «Институт бизнеса и права». Режим доступа: http://www.ibl.ru/konf/151211/sovershenstvovanie-amortizacionnoY-politiki.html, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: май 2012.

Матрица институциональная в социологии (2003). В кн.: «*Социологическая энциклопедия*». М: Мысль. Т. 1.

Методологические положения (2009). Методологические положения по системе статистических показателей, разрабатываемых в статистике строитель-

Журнал НЭА, №2 (18), 2013, с. 129–155

ства и инвестиций в основной капитал (2009). М.: Федеральная служба государственной статистики.

Наука, технологии (2011). Наука, технологии и инновации России: краткий стат. сборник. М.: ИПРАН РАН.

Нешитой А.С. (2012). Финансы, денежное обращение и кредит. М: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К».

Ойкен В. (1993). Экономические системы // *THESIS. Весна '93.* Т. 1. Вып. 2. (In: «*Die Grundlagen der Nationalokonomie*». Godesberg: Verlag Helmut Kupper. 1947. S. 126–177).

Ойкен В. (1996). Основы национальной экономии. М.: Экономика.

Перес К. (2011). Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М.: Дело.

Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. (2007). Современный экономический словарь. М.: Инфра-М.

Розманский И. (2009). Неопределенность и институциональная эволюция в сложных экономических системах: посткейнсианский подход // *Вопросы экономики.* № 6.

Российский инновационный индекс (2011). Российский инновационный индекс. М.: Министерство науки и образования РФ.

Роузфилд С. (2004). Сравнительная экономика стран мира. Культура, богатство и власть в XXI веке. М: РОССПЭН.

Савчишина К.Е., Сутягин В.С. (2009). Сфера услуг в современном воспроизводственном процессе в российской экономике // *Проблемы прогнозирования.* № 4.

Соколов М. (2010а). Амортизационную политику нужно сделать агрессивной // *Экономика и жизнь.* 10 декабря.

Соколов М.М. (2010б). Эволюционные изменения в амортизационной политике как особой форме налогового воздействия на развитие экономики // *Все о налогах.* № 10, 11.

Спицын Д.А. (2010). Организационные формы и модели венчурного финансирования в США. Автореф. дис. ... канд. экономических наук: 08.00.14. М.: ИСК РАН.

Структура инвестиций (2012). Структура инвестиций в основной капитал по источникам финансирования, млрд. руб. [Электронный ресурс] Сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/enterprise/investment/nonfinancial/#, свободный. Загл. с экрана Яз. рус. (дата обращения: февраль 2012 г.).

Федорович В.А., Патрон А.П. (2007). США: государство и экономика. М.: Институт США и Канады РАН.

Финансы (2004). / Под ред. В.В. Ковалева. М.: ТК Велби, Проспект.

Флигстин Н. (2007). Государство, рынки и экономический рост // *Экономическая социология.* Т. 8. № 2.

Чжен Ж. (2010). Инвестиционное обеспечение развития легкой промышленности (на материалах РФ и КНР): Автореф. дис. ... к.э.н. Санкт-Петербург: СПб ГУТиД.

Журнал НЭА,
№2 (18), 2013,
с. 129–155

Чжифэн У. (2011). Слово и дело: Инфраструктурный прорыв // *Ведомости*. 2 июня. № 99 (2865).

Экономический словарь (2010). /Отв. ред. А.И. Архипов. М.: Проспект.

Beck U. (1992). Risk Society, Towards a New Modernity. L.: Sage Publications.

Bessonova O., Kirdina S., O'SulIivan R. (1996). Market Experiment in the Housing Economy of Russia. Novosibirsk: The Siberian Branch of Russian Academy of Science – PADCO, Inc.

Bizaguet A. (1988). Le secteur public et les privatizations. Paris: Presses universitaires de France.

Eucken W. (1939). Die Grundlagen der Nationalökonomie. Jena: Verlag Gustav Fischer.

Giddens A. (1991). Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity.

Kirdina S. (2012). From Marxian School of Economic Thought to System Paradigm in Economic Studies: The Institutional Matrices Theory // *Montenegrin j. of Economics*. Vol. 8. No. 2.

Kirdina S., Vernikov A. (2013). Evolution of the Banking System in the Russian Context: Institutional Analysis // *J. of Econ. Issues*. June. Vol. 47.

North D.C. (1989). Institutional Change and Economic History // *J. of International and Theoretical Econ*. № 1.

O'Sullivan A., Sheffrin S.M. (2003). Economics: Principles in Action. Upper Saddle River: Pearson-Prentice Hall.

Peetz D., Genreith H. (2011). The Financial Sector and the Real Economy // *Real-World Econ. Review*. Issue No. 57. December (12).

Polanyi K. (1957). The Economy as Instituted Process. The Sociology of Economic Life. Td. by M. Granovetter, R. Swedberg. Boulder: Westview Press.

Polanyi K. (1977). The Livelihood of Man. N.Y.: Academic Press Inc.

Rosefielde S. (2008). Comparative Economic Systems: Culture, Wealth, and Power in the 21st Century. Wiley-Blackwell.

Schuman M. (2012). Are China's Big State Companies a Big Problem for the Global Economy? // *Time*. 17.02. (Цит. по: **Шуман М. (2012).** Являются ли крупные госкорпорации Китая проблемой? [Электронный ресурс] // *Time*. 17.02. Режим доступа: http://pda.warandpeace.ru/ru/commentaries/view/66879/, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: май 2012).

Sinha B., Banerjee P. (2009). Growing industrialization of R&D in China: Empirical observations. Presented in China–India seminar: Innovation, Transformation, Displacement and Growth. 21–23 December 2009. Institute of Development Studies, Kolkata, India.

U.S. Bureau of Economic Analysis (2012). U.S. Bureau of Economic Analysis Department of Commerce. Режим доступа: http://www.bea.gov/iTable/iTable.cfm?reqid=9&step=3&isuri=1&903=177, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: август 2012 г.).

U.S. Census Bureau (2010). Statistical Abstracts in the Unites States. [Электронный ресурс] Washington. Table 707. Net Stock of Fixed Reproducible

Журнал НЭА, №2 (18), 2013, с. 129–155

Tangible Wealth. Режим доступа: http://www.census.gov/compendia/statab/2010/tables/10s0707.xls, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: май 2013 г.).

U.S. Census Bureau (2012). U.S. Census Bureau, Statistical Abstracts of the United States. (2012) Washington, DC. Режим доступа: www.census.gov/compendia/statab/2012/tables/12s0752.xls, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: февраль 2012 .

Vernikov A.V. (2012). The Impact of State-Controlled Banks on the Russian Banking Sector // *Eurasian Geography and Econ.* T. 53. No. 2.

Yanrui W., Zhengxu W., Dan L. (2009). China's Investment Record and Its Fiscal Stimulus Package. The University of Nottingham. China Policy Institute. Briefing Series. Issue 50. March.

Поступила в редакцию 27 июля 2012 года

S.G. Kirdina

Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow

Institutional Models of Real Sector Financing

The author considers basic institutional models that define the macroeconomic policies for the real sector financing under economic growth. The hypothesis is tested that two institutional models in real sector financing could be singled out, so called «state as the main investor» and «state as the regulator». To prove this hypothesis, data about the dynamics of real sector financing in Russia and in the USA are used. *X*- and *Y*-economies concept (Kirdina, 2012) is used to explain the differences. Concerning this, some particularities of investment characteristics in the national statistics due to institutional differences of two countries are also discussed.

Keywords: *institutional models, real sector financing, X- and Y-economies, Russia, the USA, China.*

JEL Classification: B52, O43, P43, P52.